

Сэму

Живи на солнце, плавай в море,
дыши свежим воздухом.

Ральф Уолдо Эдисон

Пролог

Джесси Гарнер и Сильвия Чен встречались каждое утро в семь часов, чтобы вместе прогуляться по пляжу. Обeim шел восьмой десяток, но внешне они составляли странную пару. Джесси была высокой, длинноногой, с прямой, как железный прут, спиной и короткими седыми волосами, красить которые отказывалась, исходя из убеждения, что старение — это нормально и с ним нужно просто смириться. У Сильвии, китаянки по происхождению, волосы были блестящие и темные и служили предметом ее тайной гордости. Чтобы поспевать за подругой, маленькой Сильвии приходилось делать едва ли не вдвое больше шагов.

Впрочем, назвать их подругами было бы преувеличением. Объединяла этих двух разных во многих отношениях женщин главным образом привычка к утренним прогулкам, причем желательно не в одиночку. Впрочем, необходимость такого партнерства вызывала у Сильвии сомнения.

Джесси могла быть сущим наказанием. Этим утром она разразилась длинной тирадой по поводу собрания правления многоквартирного дома на берегу моря, в котором они обе жили. Сильвия не была членом правления и, следовательно, на встрече не присутствовала. Она и за деньги не согласилась бы участвовать в заседаниях данного органа, особенно после того, как выслушала разглагольствования Джесси на эту тему.

— Я предложила внести поправку в правила АДВ¹, согласно которой будет ограничено количество гостей, которых жильцы могут принимать у бассейна в любое время суток. — Как всегда, при ходьбе Джесси энергично размахивала руками. — На прошлой неделе Элизабет Макнамара привела всех пятерых своих внуков, и они носились вокруг бассейна, как маленькие хулиганы.

— Ну не знаю. — Сильвию раздражало, что она всегда чувствовала себя обязанной поддерживать мягкий и неконфликтный тон в общении с Джесси, но ничего не могла с собой поделать. — По-моему, это здорово, когда рядом есть малыши.

— Ох, я тебя умоляю! — фыркнула Джесси. — Не вижу ничего приятного. Ты пытаешься почтить себе в удовольствие у воды, но не можешь сосредоточиться из-за орущих сопливых сорванцов. До сих пор не могу поверить, что правление проголосовало против моей поправки.

¹ АДВ (англ. НОА) — Ассоциация домовладельцев.

Сильвия подавила вздох, понимая, что вступать в спор с Джесси из-за детей у бассейна не стоит. Джесси считала, что разбирается во всем лучше всех и ее мнение единственно правильное. Иногда это утомляло. Не лучше ли гулять одной, чем выслушивать такие вот речи?

Был отлив, и две женщины шли по мокрому песку, с которого лишь недавно отступил океан. Джесси, всегда опасавшаяся наступить на выброшенную на берег медузу, надела неопределенные аквашузы. Сильвия предпочитала ходить босиком. Ей нравилось ощущать под ногами уступчивый песок, нравилось прохладное прикосновение воды к пальцам. Солнце поднималось в восхитительных розовых и оранжевых лентах. День обещал быть прекрасным, а прогноз погоды предрекал температуру около двадцати шести-двадцати семи градусов, низкую влажность и легкую приливную волну.

В такие дни их городок на юге Флориды казался настоящим раем.

— Посмотри-ка на это. — Джесси указала на кучку обугленных поленьев посреди пляжа. — Должно быть, прошлой ночью кто-то разводил костер. — Она недовольно щелкнула языком. — Думаю, полиции надо что-то с этим делать.

— Они просто не могут патрулировать весь пляж — слишком большая территория.

— Но как можно не заметить костер? Огонь виден издали. Я, по правде говоря, не понимаю, за что мы платим налоги, если они не...

— Что это? — перебила подругу Сильвия, вглядываясь во что-то впереди. Только это было не что-то. *Кто-то*. Женщина? Света не хватало, и определить сразу Сильвия не смогла. Но подходя ближе, она с нарастающим ужасом поняла, что это подросток. Не может быть... нет... Неужели...

— Голая девушка?! — воскликнула Джесси.

— Думаю, да.

— Это неприемлемо! — возмутилась Джесси. — Недопустимо. Наверно, бездомная, бродяжка и спит на пляже. Держу пари, это она развела костер. — Женщина достала телефон. — Я позвоню в полицию.

Но Сильвия ее не слышала. Сначала она ускорила шаг, а потом и вовсе побежала к девочке, энергично двигая руками и оставляя глубокие следы ног на мокром песке. В том, как лежала девушка, было что-то странное: одна нога подогнута в неестественном положении, противоположная рука вытянута на песке. В такой позе не спят. Скорее, она выглядела как...

И тут Сильвия добежала до нее. Глаза девушки были открыты и безучастно смотрели вверх. Губы растянуты в гримасе, зубы обнажены. Кожа имела неестественный синеватый оттенок.

Сильвию вырвало, и она отвернулась, обхватив себя руками.

— Вызови полицию! — крикнула она Джесси. — Она не спит! — Сильвия оглянулась и вздрогнула. — Ох, боже мой! По-моему, она мертва!

Часть первая

ДО ТОГО,
КАК ОНА УМЕРЛА

Глава 1

ВИДЕОДНЕВНИК

АЛЕКС ТЕРНЕР

1 августа

Меня зовут Алекс Тернер, и это мой видеодневник.

Алекс грациозно протянула руку, подражая ведущим игровых шоу. Она сидела на кровати, прислонившись к обитой белым бархатом спинке и вытянув перед собой длинные ноги. Ее пуховое одеяло украшал веселый принт — огромные красные и розовые маки. Алекс перекинула косу через плечо и неуверенно посмотрела в камеру.

Вести его мне посоветовала моя психотерапевт Беатрис. То есть бывшая психотерапевт. Она по-прежнему в Буффало, где и я жила до того, как мама внезапно решила, что больше не хочет там оставаться. Она продала наш дом и перевезла нас через всю страну в Шорхэм, штат Флорида. Причем даже не спросив меня, хочу ли я переезжать. И вот теперь я готовлюсь начать свой последний год в новой школе в новом городе, где не знаю ни души.

Алекс покачала головой и глубоко вдохнула.

На чем я остановилась? Да, Беатрис. На нашем последнем сеансе она сказала, что мне стоит завести дневник и записывать то, что я сказала бы ей на сеансе. А поскольку писать мне не нравится, она предложила вариант с видеодневником. Наверно, надеется, что это поможет мне вспомнить случившееся в тот день.

Часто думаю, поверила ли мне Беатрис, когда я сообщила, что не помню, что тогда произошло. Может быть, она считает, что в этом видеодневнике я скажу то, чего не сказала ей. Потому что никто и никогда этого не увидит. Но говорить о том дне мне не хочется.

Алекс уставилась в камеру широко раскрытыми, рассеянными глазами. Потом покачала головой, словно отгоняя какое-то воспоминание.

А вот этим утром действительно произошло кое-что странное. Я отправилась на пробежку, хотя на улице было, наверно, около тысячи градусов жары. Даже не верится, что здесь так чертовски жарко. Я как будто вбежала прямо в духовку. Старалась сосредоточиться на музыке и просто переставлять ноги. Бежала до тех пор, пока не поняла, что уже не знаю, где нахожусь и далеко ли от дома. Наверно, я немного перестаралась, потому что внезапно у меня закружилась голова. Я остановилась и попыталась отдышаться. Потом увидела неподалеку парк и направилась туда, надеясь найти питьевой фонтанчик.

Фонтанчик там был, и, хотя вода оказалась теплой и отвратительной на вкус, я попила и плеснула немного на лицо и шею. Потом подумала, что было бы хорошо посидеть в тени, огляделась и услышала звуки ударов ракеткой по теннисному мячу. Сначала я даже не заметила, что в парке есть теннисные корты, но потом увидела их справа от парковки. Они были покрашены в зеленый цвет и окружены высоким сетчатым забором. На площадке занимались девочки примерно моего возраста, и я присела на скамейку понаблюдать.

Их было трое, хотя удары от одной базовой линии до другой отрабатывали только две из них. Третья сидела в стороне от корта, постукивая ракеткой по ладони. Они были хороши. По-настоящему хороши.

Одна из девушек, высокая и темноволосая, выбила мяч за пределы площадки. Блондинка, наблюдавшая за ними, рассмеялась и сказала:

— Господи, Шэй, если ты не поправишь свой левый бэкхенд¹, тренер не включит тебя в состав.

— Просто у Келли хороший удар получился, — отмахнулась Шэй.

Блондинка усмехнулась и покачала головой.

— Ничего подобного. Она просто забросила к тебе мяч, как всегда, в расчете на то, что ты

¹ Бэкхенд — удар ракеткой по мячу с противоположной стороны от той, где игрок держит ракетку. Для правши это левая сторона, а для левши — правая. Один из базовых приемов в теннисе.

ошибешься, и ты ошиблась. Вот так она каждый раз тебя и обыгрывает.

Значит, третью девочку звали Келли. У нее были веснушки и волосы оттенка клубничный блонд. Она закатила глаза.

— Я не просто забрасываю мяч, Дафна.

Дафна — та самая блондинка — только довольно неприятно рассмеялась и возразила:

— Забрасываешь. Но я тебя не упрекаю. Главное, что ты выигрываешь. Не у меня, но у всех остальных. На втором корте¹ в этом году ты наверняка сыграешь.

К этому моменту я уже поняла, что они, очевидно, все вместе играют в одной теннисной команде. В городе лишь несколько старших школ, так что, возможно, когда-нибудь и я попаду к ним.

Я решила снять их на видео. Сама не знаю почему. Есть у меня такая странная привычка. Когда я рассказала об этом Беатрис, она предположила, что таким образом я перерабатываю и усваиваю происходящее. Вот почему она предложила вести видеодневник.

Как бы то ни было, брюнетка и девушка с веснушками продолжили тренировку, а я достала телефон и включила запись. Даже не заметила, что блондинка, которая была с ними, встала и направилась ко мне. Неожиданно она оказалась прямо передо мной.

¹ Следующий по значимости корт после центрального. Он часто используется для проведения матчей высоких рангов, но с менее важными игроками или матчами по сравнению с центральным кортом.

— Ты что это делаешь? Записываешь моих друзей? — нахмурилась она, глядя на меня сверху вниз так, словно я была куском дерьма, в которое она вляпалась.

Я немного опешила от неожиданности и смотрела на нее, не зная, что сказать. Да, я снимала видео, но все равно ее реакция была чрезмерной. Она практически кричала на меня, а потом добавила:

— Записывать людей на видео — это неприлично, жутковато и, наверно, незаконно. И вообще, кто ты, черт возьми, такая?

Я сказала ей, как меня зовут, и сообщила, что переехала сюда недавно.

Она фыркнула:

— Отлично, как раз то, что нам нужно. Еще одна извращенка слоняется по парку.

Я покраснела даже сильнее, чем на пробежке, но все-таки выдавила из себя:

— Я не извращенка и играю в теннис. В новой школе попытаюсь попасть в команду. Я просто хотела... — Я умолкла. Я собиралась объяснить, что хотела присмотреться к соперникам и оценить их уровень, но это предполагало слишком долгий разговор. Я не знала, буду ли когда-нибудь играть с этими девушками. В общем, ничего подходящего в голову не приходило, а блондинка продолжала стоять и ухмыляться, глядя на меня сверху вниз.

— Удачи тебе в этом, — съязвила она. — Я — капитан команды старшей школы Шорхэма, и нам извращенки не нужны.

Она развернулась и направилась к своим друзьям. Потом все трое уставились на меня. Я поднялась и убралась оттуда побыстрее.

И вот что самое ужасное: шорхэмская старшая школа — это моя новая школа. Я совсем никого там не знаю, а врагом, кажется, уже обзавелась. Может быть, даже тремя.

Алекс глубоко вздохнула и перекинула косу через плечо.

Ничего хорошего в этом нет. Скорее, наоборот. Мне стало вдруг как-то не по себе.

Она наклонилась к телефону, так что ее бледное лицо заняло весь экран, и остановила запись.

Глава 2

КЕЙТ

Я поняла, что мне не следует отвечать на звонок, как только я увидела, кто звонит. Дел было невпроворот, как и у каждой только что переехавшей в другой город семьи. В список входило несколько часов работы в Интернете: обновить адрес в банке и данные кредитных карт, оплатить услуги по уходу за газоном и кое-что еще — и вот теперь я направлялась в магазин купить швабру, чистящее средство для кухни и мешки для мусора. Мысленно я добавила в список вино. После этого разговора оно мне определенно понадобится.

— Привет, мам, — сказала я, нажав кнопку «принять вызов» на панели управления автомобиля.

— Кейт, где ты была? Я звоню уже в третий раз!

Любимый мамин вступительный прием: вызвать у меня чувство вины. И я тут же начала защищаться.

— Я не получала от тебя никаких сообщений, — ответила я, стараясь сохранить нейтральный тон.

— Но я звонила неоднократно! То есть полагаю, что звонила. По крайней мере, собиралась. В любом случае тебе следовало набрать нас и сообщить, что вы с Алекс благополучно добрались.

— Я отправила тебе сообщение. Если уж на то пошло, даже несколько. Одно, когда мы переехали сюда и заключили договор, а второе, когда нам доставили вещи.

— Я не читаю сообщения, — парировала мама. Это было неправдой.

— Ты же знаешь, как их писать.

— Я не говорила, что не знаю, как это делается. Я сказала, что *не читаю* их. У меня нет времени. Я играю в гольф три раза в неделю, пока стоит хорошая погода, и сейчас занимаюсь ремонтом комнаты для гостей. Кстати, я говорила тебе, что беру уроки тайской кулинарии? Ты даже не представляешь, как я была занята.

Как это типично для моей матери с ее безграничным нарциссизмом. В прошлом месяце я собрала вещи и продала наш дом в Буффало, совершила двадцатишестичасовой переезд во Флориду и закрыла сделку по покупке на-

шего нового дома в маленьком прибрежном городке Шорхэм, а затем мы с Алекс неделю жили в отеле, пока не приехали грузчики с мебелью. И вот теперь я пыталась привести нашу жизнь в некое подобие порядка до того, как Алекс пойдет в школу. Все усугублялось еще и тем, что моя семнадцатилетняя дочь была до крайности возмущена переездом и почти не разговаривала со мной.

— Ты права, мам. Я понятия не имею, какой хлопотной может быть жизнь, — невозмутимо ответила я.

— Не разговаривай со мной таким тоном, — заявила она, как будто я все еще была подростком.

На этот раз я не смогла сдержать вздох.

— Сейчас действительно неподходящее время. Я иду по делам, а потом мне нужно вернуться домой. Мы все еще распаковываем вещи.

— Как дела у бедняжки Алекс? — В голове мамы проступили те приторно-заботливые нотки, которые всегда меня раздражали.

— С ней все в порядке, — проговорила я, хотя, конечно, это было не так. Алекс уже несколько месяцев была не в порядке.

— Поверить не могу, что ты увезла ее бог весть куда, подальше от бабушки и дедушки, да еще именно тогда, когда мы нужны ей больше всего. — Тон снова сменился на раздраженный.

Вдох... выдох...

Моя мама знала, почему мы переехали. Я подробно объяснила ей причины. И не собира-

лась возвращаться к этой теме снова. Во всяком случае не тогда, когда я делала все, что в моих силах, чтобы сохранить с ней хорошие отношения.

— Мам, мне нужно идти, — резко вставила я. — Поговорим позже.

Я дала отбой, прежде чем она успела ответить, хотя и знала, что мне это еще вспомнят. И зачем только отвечала? Нарушила свое же золотое правило — никогда не разговаривать с матерью, если в руке нет бокала вина, которое можно использовать в качестве обезболивающего. Почему у других людей матери добрые, заботливые, готовые помочь и поддержать, если жизнь разбилась вдребезги? Моя же на похоронах моего мужа повернулась ко мне и сказала: «Ты не представляешь, как тяжело все это далось нам с твоим отцом. Эд был нам как сын».

Бросив взгляд на торговый центр справа, я увидела, что, помимо прочего, там есть и кафе. Отлично. Мгновенно воспрянув духом при мысли о кофеине, я заехала на парковку.

«Жареное зернышко» оказалось симпатичным заведением с разнокалиберными столами и стульями и книжной полкой с настольными играми. Я подошла к стойке, заказала латте со льдом и села за один из столиков поменьше, вдыхая восхитительный аромат свежемолотого кофе и черничных кексов. В кафе было полно народу. В кожаных креслах вокруг низкого столика устроилась группа молодых мам, каждая

с ребенком — в коляске или слинге. За столиком у окна симпатичная пожилая пара беседовала так оживленно, что я подумала, не первое ли у них свидание. Неподалеку что-то свое обсуждали, уткнувшись в ноутбуки, несколько тинейджеров. И только я была одна.

Меня вдруг охватило такое невыносимое одиночество, что казалось, оно вот-вот захлестнет меня и опрокинет, как маленькую лодчонку, застигнутую бушующим штормом. Пора бы уже и привыкнуть, повторяла я себе. Кроме Алекс, в моей жизни никого не осталось. Мне некому было позвонить и сказать: «Привет, просто нужно услышать дружеский голос», — а потом болтать полчаса ни о чем или обо всем на свете.

Как это произошло? Стало ли это следствием того, что я была работающей мамой и мое внимание переключалось с проблем на работе на заботу о дочери? В какой-то момент я перестала заводить друзей. Даже не знаю почему. Я всегда старалась быть любезной со всеми, даже когда сама не была настроена особенно дружелюбно.

Чувствуют ли это люди? Догадываются ли, что мое добросердечие и ясная улыбка — всего лишь видимость? Большинство тех, с кем я была знакома в Буффало, просто здоровались со мной в продуктовом магазине. Моя мать была эмоциональной пустышкой, отец — эмоционально отстраненным человеком. Моя единственная сестра Лори, на семь лет старше меня, сбежала в Сиэтл поступать в колледж и уже